

Бай Ци подумал, что уже преодолел один барьер, и только собирался вздохнуть с облегчением, как вдруг услышал, как Янь Чжо, с лёгкой хрипотцой в голосе, с трудом выговорил:

— Ты... только что в ванной ничего не видел?

Этот вопрос озадачил Бай Ци. Что такое?

Неужели Янь Чжо упрекает меня за использование его шампуня и геля для душа? Не может быть, с чего бы Янь Чжо вдруг стал таким мелочным, тем более что я его возлюбленный.

Или полотенце и банное полотенце? Но ведь я взял совершенно новые из шкафчика, не трогал вещи Янь Чжо.

Или... он не мог придумать, что ещё могло заставить Янь Чжо вести себя так странно.

Чем дольше Бай Ци молчал, тем тяжелее было Янь Чжо.

Возможно, ему не следовало спрашивать так прямо. Может, Бай Ци только что не стал говорить открыто, чтобы сохранить для него лицо.

Только что, обнаружив, что оставил в ванной улику, Янь Чжо не смог сдержать дрожь в руках.

Хотя это он сам раз за разом упускал возможность признаться, хотя это он сам забыл о вещах в ванной, хотя это он сам пригласил возлюбленного к себе домой, но и ситуацию испортил тоже он сам.

Все средства для мытья изначально были аккуратно убраны в шкафчик, у каждой вещи своё постоянное место. Но однажды в ванной у него внезапно началась течка, и он едва успел добежать до спальни, чтобы достать ингибиторы. С тех пор, на всякий случай, он попросил тётю Чжоу разложить наборы по всем углам дома.

Только что, как только он открыл дверцу шкафчика, прямо перед ним оказались огромные надписи: Ингибиторы, специально для омег. У него перед глазами потемнело.

Одна мысль о том, что Бай Ци уже открыл дверцу и увидел упаковку ингибиторов, заставляла Янь Чжо хотеть биться головой о стену.

Он знал, что должен притвориться дурачком, сделать вид, что ничего не произошло. Так было бы не неловко, и не пришлось бы выяснять отношения в лицо.

Но он боялся, что Бай Ци без лишних слов сразу вынесет ему приговор, боялся, что Бай Ци нафантазирует себе ещё больше его прегрешений, и больше всего боялся, что эта ночь станет последним прекрасным вечером, а завтра, открыв глаза, он обнаружит, что всё прошлое было лишь прекрасным сном, и теперь настало время просыпаться.

Самое главное — он обещал Бай Ци, что больше не будет его обманывать.

И он больше не хотел скрывать.

Янь Чжо глубоко вздохнул, как будто подставляя шею под удар, и решительно произнёс:

— Я должен тебе в чём-то признаться.

Бай Ци опешил. Неужели у Янь Чжо ещё есть что-то, чего он не знает?

— Говори.

— На самом деле... — Янь Чжо крепко сжал его руку, будто боясь, что любимый человек в следующую секунду сбежит.

К счастью, Бай Ци лишь спокойно смотрел на него, так же, как в тот день, когда ободрял его признаться, с мягким выражением лица и понимающим взглядом.

Янь Чжо, стиснув сердце и закрыв глаза, наконец принял решение:

— На самом деле, я омега.

Его взгляд не отрывался, пристально следя за выражением лица Бай Ци. Если он заметит, что реакция Бай Ци где-то неправильная, то он... обнимет его и будет извиняться, ни за что не отпуская.

Хотя этот метод был наглым, жалким и совершенно не соответствовал его стилю, но по сравнению с возможностью потерять Бай Ци, всё это вообще не имело значения.

Будь то наглость или жалкость, лишь бы можно было удержать Бай Ци, оставалась хоть капля надежды на исправление ситуации. В конце концов, его парень был таким мягким и добрым, ко всем относился снисходительно, тем более сейчас перед ним был возлюбленный, с которым у него была физическая близость.

И действительно, услышав это признание, Бай Ци словно остолбенел, лишь слегка расширив глаза, безмолвно застыв на месте.

Заметив неладное, Янь Чжо, стиснув зубы, извинился:

— Прости, я не должен был тебя обманывать.

— Если ты... Нет, кроме расставания, я на всё согласен, сделаю что угодно.

Бай Ци, как раз ломавший голову над тем, как признаться, что уже давно знал, что тот омега, услышав это, засиял:

— Правда?

...

Янь Чжо насторожился и немного растерялся. Разве это похоже на злость? Почему-то не очень.

Но ситуация была срочной, и он не мог позволить себе тщательно обдумывать, лишь поспешно согласился:

— Правда.

И затем он воочию увидел, как лицо его парня изменилось, приняв серьёзное выражение:

— Тогда пообещай мне одну вещь, и я не буду злиться, что ты скрывал это от меня.

Десять минут спустя, кабинет.

Бай Ци взял составленное им лично и подписанное Янь Чжо гарантийное письмо, осмотрел его, проверил слово за словом, прежде чем с удовлетворением убрал:

— В двух экземплярах, тот оставь у себя, этот — мой.

...

Янь Чжо держал в руках то гарантийное письмо, чувствуя лёгкое смятение. Это и есть та одна вещь, о которой говорил Бай Ци?

Это же множество вещей!

Что нельзя опаздывать на работу, нельзя уходить раньше с работы, что нельзя брать отгулы без уважительной причины, что на совещаниях нельзя отвлекаться, тем более подолгу смотреть на сотрудников, особенно на ассистента, что нельзя делать импульсивные покупки, любое решение должно быть тщательно обдумано...

Кто знает, подумает, что это любовное гарантийное письмо, подписанное после того, как возлюбленный поймал его на чём-то, а кто не знает — подумает, будто они вдвоём только что составляли какие-то правила для сотрудников компании.

Убедившись, что Янь Чжо запомнил всё содержание гарантийного письма, Бай Ци похлопал его по плечу:

— Веди себя хорошо и соблюдай.

Пожалуй, почувствовав, что этого недостаточно, он подумал и добавил:

— Если не будешь соблюдать, то я...

Янь Чжо нервно наострил уши, внимательно ожидая продолжения.

То что? Расстанусь с тобой? Больше не буду ночевать у тебя дома? Не буду общаться с тобой неделю?

Первое абсолютно невозможно, я не соглашусь. Второе — я могу переночевать у него дома, в конце концов, это одно и то же. Что касается третьего... неделя — это мой предельный срок терпения, лучше сократить до одной минуты.

Немного подумав, Бай Ци наконец решил:

— Тогда я перееду обратно к себе домой.

Янь Чжо инстинктивно возразил:

— Нельзя, я не согла... Подожди, что ты сказал?

Перееду обратно к себе домой? Значит, до этого он будет жить здесь?

Бай Ци, видя, как у Янь Чжо, после того как тот сообразил, уголки губ почти дошли до ушей, ткнул его в щёку:

— Я только что посмотрел календарь, завтра удачный день, благоприятный для переезда.

— Переезжаем! — Янь Чжо резко вскочил со стула, и каждый мог увидеть, что его настроение сейчас невероятно хорошее. — Я помогу тебе переехать.

Бай Ци с улыбкой смотрел на его чрезвычайно возбуждённое поведение, находя его глупым, но в то же время очень милым.

— Тогда ложимся спать пораньше, завтра провожу, соберу вещи и переедем.

Не такое уж короткое предложение, но Янь Чжо уловил только шестое слово, и кончики его ушей мгновенно покраснели.

Хотя изначально он был бы доволен и просто сном под одной крышей, но предыдущие слова Бай Ци оставили ему больше места для фантазий, и он невольно выдал приглашение:

— В моей комнате просторно, кровать большая, может... спать вместе?

Бай Ци, не задумываясь, согласился:

— Хорошо.

Лёжа рядом на широкой кровати, Янь Чжо напряжённо вытянулся, даже дыхание старался контролировать, чтобы быть тише, боясь, что что-то не понравится парню и спугнёт того, кого с таким трудом удалось заманить.

Однако Бай Ци, будучи с ним столько лет, слишком хорошо знал его манеру, и сразу почувствовал, что сейчас с ним что-то не так, с любопытством спросил:

— Тебе не тяжело всё время задерживать дыхание?

...

Янь Чжо тяжело выдохнул, беззаботным тоном:

— О чём ты? Не очень понимаю.

Ладно, ещё держится. Все только что влюблённые такие, хотят показать себя с самой лучшей стороны, Бай Ци мог это понять. В конце концов, когда он только начал встречаться с Янь Чжо, он был примерно таким же.

Поэтому он протянул руку, поправил уголок одеяла для Янь Чжо и похлопал его по спине:

— Не думай о многом, спи.

Сказав это, он довольно быстро заснул, совершенно без напряжения, как при первом совместном сне с возлюбленным.

Янь Чжо, напряжённый до того, что не знал, куда деть руки и ноги, слушал его невозмутимое, как никогда, дыхание: ...

Почему его альфа выглядит таким спокойным, уверенным и опытным?